

## БЕЛОРУССКАЯ ПУШКИНИАНА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Т. Г. Трофимович

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,  
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, t.trof@mail.ru*

Кратко рассматривается история возникновения белорусской пушкинианы, прослеживаются пути ее существования в течение почти двух веков. Отдельно характеризуется современное состояние переводов А. С. Пушкина на белорусский язык, достижения и неудачи переводческой деятельности. Прогнозируются возможные перспективы развития белорусской пушкинианы.

**Ключевые слова:** пушкиниана; русский язык; белорусский язык; теория и практика перевода; близкородственные языки.

Среди многочисленных и разноплановых событий текущего года не осталось незамеченным 225-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Гений русской и мировой литературы внес значительный вклад в духовное развитие человечества, его нравственное и гуманитарное совершенствование. Как считал известный литературовед и писатель Б. И. Бурсов, «Пушкин сразу – начало и вершина великой русской литературы, занявшей место в ряду величайших литератур мира» [1, с. 139].

Слово *пушкиниана* не сразу отыскивается в словарях и энциклопедиях. Это и понятно. Оно используется, как оказывается, для называния многих явлений, связанных с именем, личностью и творчеством А. С. Пушкина. Пушкинианой предлагают считать все произведения гения, изданные и продолжающие издаваться, произведения литературы и искусства, посвященные ему, работы, связанные с изучением жизни и творчества поэта. Ясно одно: все, что связано с таким явлением мирового масштаба, как Пушкин, может именоваться *пушкинианой*. Не случайно поэтому существует *скульптурная, филателистическая, публицистическая, театральная, музейная, даже наивная* и многие другие пушкинианы.

Слово *пушкиниана* в свое время зафиксировал известный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Дмитрия Николаевича Ушакова. В томе 3 читаем: *Пушкиниана – литература, посвященная А. С. Пушкину, и издания его сочинений* [1, т. 3, с. 1082]. Всезнающий интернет ограничивается коротким толкованием: «*Пушкиниана – совокупность изданий произведений А. С. Пушкина и исследований о нем*» [2]. Очевидно, что это не так. В том же интернете без труда находим *михайловскую пушкиниану, пушкиниану Нади Рушевой*.

В пушкиниану наверняка следует включать и многочисленные переводы произведений А. С. Пушкина на другие языки. Есть, например, информация о том, что сотрудники Архангельского литературного музея издали книгу с единственным стихотворением А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», но переведенным на 210 языков мира [3].

Оставим до лучших времен рассмотрение семантики слова *пушкиниана*, однако с уверенностью укажем, что существует *белорусская пушкиниана*, основную часть которой образуют произведения гения, переведенные и переводимые на белорусский язык.

Есть основания считать, что первым переводчиком Пушкина был Адам Гуринович (1869–1894), который перевел стихотворение «Эхо». А. Мальдис в предисловии к книге «Пушкин и Беларусь» (1999) пишет, что впервые Пушкин заговорил по-белорусски в начале 90-х гг. XIX века [4, с. 5].

В историю белорусской литературы А. Гуринович вошел как поэт-революционер, призывавший к борьбе с самодержавием. Был арестован за политические взгляды, затем из-за болезни выслан из Петербурга на родину, где и умер. Переводил на белорусский язык произведения Н. Некрасова, А. Толстого, И. Крылова, И. Франко, Э. Ожешко, А. Мицкевича и др.

Период приблизительно в три-четыре десятилетия с конца XIX в. до 30-х годов XX в. заметных следов в белорусской пушкиниане не оставил. Не исключено, что мы их просто не сумели обнаружить. При этом можно полагать, что серьезные события этих лет в истории вообще и истории белорусского народа в частности не способствовали созидательному общественному развитию.

Расцвет белорусской пушкинианы приходится на тридцатые годы XX в. Известно, что в 1937 году исполнилось сто лет со дня гибели Пушкина. В связи с этим в СССР и других странах решено было провести серию мероприятий [5]. В ряду таких мероприятий значилось издание произведений писателя на языках народов СССР. Янка Купала распределил произведения между писателями и поэтами для того, чтобы они перевели их на белорусский язык. Известно, что себе Купала взял для перевода поэму «Медный всадник», роман же «Евгений Онегин» он поручил переводить известному тогда поэту Алесю Дудару [6].

К великому пушкинскому наследию обращались классики белорусской литературы: Я. Колас, Я. Купала, А. Кулешов, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, М. Лужанин и др. В 1993 году вышел двухтомник избранных произведений А. С. Пушкина на белорусском языке, в котором помещены переводы еще двадцати авторов.

Хочется несколько слов сказать о состоянии белорусской пушкинианы в последние 20 лет. Поиск переводов и сведений о переводчиках okazaля делом сложным и трудным. Не облегчила это дело «Летопись газетных и журнальных статей». Пока ограничимся устойчивым сложившимся осознанием того, что белорусская пушкиниана жива и успешно поступательно развивается. По разным причинам, прежде всего этического характера, не станем приводить здесь имена и фамилии переводчиков. Эту информацию можно найти на портале «Беларуская палічка», подумать над ней, оценить ее.

Обратимся к языковому анализу. Известное стихотворение А. С. Пушкина с условным названием «Памятник» на белорусском языке бытует в шести поэтических версиях (М. Лужанин, В. Зуенок, Г. Бородулин, В. Моряков, М. Танк (дважды)). Начинается стихотворение строкой *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный...* Словарная дефиниция и сопровождающие пометы выделенного глагола (*высокое*) предсказывают сложности при переводе. Так и произошло. Переводной русско-белорусский словарь предлагает три соответствия глаголу *воздвигать*: *будаваць, ставіць, узводзіць* [7, т. 1, с. 197]. Стилистических помет нет, значит для перевода предлагаются нейтральные глаголы. Переводчики же чувствовали «высокость» пушкинского глагола и попытались ее передать белорусскими глаголами *узнёс* (М. Лужанин), *узвёў* (В. Зуёнок), *узвысіў* (Р. Бородулин). Попытка частичной стилистической переориентации удалась.

В ряде случаев отсутствие полноценных в семантико-стилистическом смысле соответствий подталкивает переводчиков включать в тексты единицы, которых в белорусском языке нет. Вот примеры: *Вознесся выше он главою непокорной Александрійскаго **столпа**...* Ожидаемые параллели использованы: *Александрыйскага **слупа*** (М. Лужанин), *Вышэй... за **стоўп** Александрыйскі* (Г. Бородулин), ***слуп*** (М. Танк), но только В. Моряков *Вышэй паўстаў ... Александрыйскага **сталпа***.

Известная строка из того же «Памятника» *К нему не зарастет **народная тропа*** тоже непросто переводится на белорусский язык. В. Зуенок и Г. Бородулин перевели выделенное словосочетание как *людская сцежка*, В. Моряков употребил *народны шлях*. Попытки расширить возможности белорусского языка предприняли в своих переводах М. Лужанин и М. Танк, переведя соответственно: *Туды не зарасце народная **трапа*** и *Не зарасце людская да яго **трапа***.

Переводчики предпринимали попытки использования неизвестных белорусскому языку слов. Слово ***пиит*** (*Жив будет хоть один пиит*) переводится как ***пясняр*** (М. Лужанин, М. Танк), ***паэт*** (В. Зуёнок), но В. Моряков и Г. Бородулин используют слово ***niim***.

Приведенные факты следует, по нашему мнению, расценивать как прецеденты положительного влияния русского языка на белорусский. Переводчики предлагали и предлагают для общественного одобрения проверенные временем и высокой поэтической практикой средства, которые могут стать достоянием белорусского литературного языка.

Знакомство с белорусской пушкинианой прошлого и настоящего показывает, что близкое родство русского и белорусского языков позволяет достигать практически полного смыслового и стилистического сближения. Приведем несколько примеров: *Люблю тебя, Петра творенье. / Люблю твой строгий, стройный вид. / Невы державное теченье. / Береговой ее гранит. – Люблю цябе, Пятра тварэнне. / Люблю твой строгі, стройны від. / Нявы дзяржаўнае цячэнне. / Берагавы яе граніт* (перевод Я. Купалы). *Мороз и солнце; день чудесный! / Еще ты дремлешь, друг прелестный... – Мароз і сонца; дзень цудоўны! / Яшчэ ты дрэмлеш, друг чароўны...* (перевод Г. Бородулина). *С своей волчихою голодной / Выходит на дорогу волк; / Его почуя, конь дорожный / Храпит – и путник осторожный... – З сваёй ваўчыхаю галоднай / Выходзіць на дарогу воўк; / Яго пачушы, конь дарожны / Храпе – і путнік асцярожны...* (перевод А. Кулешова).

Уровень переводов снижается, если переводчики допускают некоторые небрежности в толковании значения слов или определении их стилистической принадлежности. Так, в «Сказке о золотом петушке» читаем: *Инда плакал царь Дадон, инда забывал и сон...* В переводе А. Якимовича находим: *Часам плакаў цар Дадон, часам забываў і сон...* Однако разговорное и во времена А. С. Пушкина слово *инда* имело другое, не временное значение. Царь Дадон не иногда, не время от времени плакал, его очень беспокоили враги государства, так что он **даже** плакал и не спал.

Известны случаи серьезного нарушения смысла. Так, в четвертой главе романа «Евгений Онегин» читаем: *...С своей волчихою голодной выходит на дорогу волк; / его почуя, конь дорожный храпит – и путник осторожный несется в гору во весь дух...* В переводе А. Кулешова находим: *...Ляціць, што мае сіл, з гары...* Наверх горы и вниз с горы.

В поэме «Медный всадник» есть такие строки: *Причалил с неводом туда / рыбак, на ловле запоздалый, / И бедный ужин свой варит...* В переводе Я. Купалы читаем: *Прыстане з невадам худы / Рыбак у спозненую пору, / Каб падвячорак свой зварыць...* Ужин – это не падвячорак (полдник).

Лингвистической загадкой можно назвать переводы на белорусский язык известной пушкинской строки из стихотворения «Памятник»:

*И назовет меня всяк сущий в ней язык.* Понятно, что слово *язык* использовано в устаревшем ныне значении ‘народ, народность’ [8, т. 4, с. 780]. В этом значении слово *язык* использовал не только Пушкин, но и другие писатели. Установлено, что слово это евангельского происхождения. Согласно словарю, Пушкин в таком значении использует его 5 раз [9, т. 4, с. 1066]. Поэты-переводчики дружно решили, что *язык* – это *мова*. Читаем: *І кожны назаве той моваю, што звык* (М. Лужанин), *І назаве мяне шматмоўны пераклік* (В. Зуенок), *І назавуць мяне на кожнай з існых моў* (В. Моряков). М. Танк перевел немного по-другому: *І імя маё кожны назаве язык*, предложив использовать слово *язык* в значении ‘орган ротовой полости’.

Существующие и создающиеся переводы страдают нередко из-за недостаточной стилистической дифференциации белорусских языковых единиц. Предлагаем сравнить: *Царь ты наш! Отец народа – возглашает воевода... Цар ты наш! Айцец народа! Ледзь не плача ваявода...* (перевод А. Якимовича). *А девица – хи-хи-хи да ха-ха-ха! А царица калі стала рагатаць...* (перевод А. Якимовича). *Когда же юности мятежной ... monsieur прогнали со двора... Monsieur пратурылі з двара...* (перевод А. Кулешова). Количество примеров без труда можно увеличить.

Трудности у переводчиков возникают и тогда, когда А. С. Пушкин использует оставшиеся в прошлом или получившие поэтический статус произносительные и грамматические варианты. *Он по-французски совершенно ... и кланялся непринужденно...* Выделенное слово нужно произносить без перехода *е* в *о*, это подсказывает рифма и история русского произношения. Передать это по-белорусски невозможно: *Ён па-французску дасканалы / Мог размаўляць і мог пісаць; / Мазурку лёгка танцаваць / І адбіваць наклон нядбала* (перевод А. Кулешова). *...Гроба с размытого кладбища... З магіл размытых дамавіны Плывуць па вуліцах!* (перевод Я. Купалы). Употребив старую форму имени существительного и поэтический вариант ударения, Пушкин запечатлел в своей строке особенности тогдашнего русского языка, которые перевод далеко не всегда может передать.

В белорусском произношении нет такого явления, как перемещение ударения на предлог в предложно-падежной форме. Еще одна преграда для переводчика. *Медлитъ нечего: «Скорее! Люди! На конь. Эй, живее!»* В переводе А. Якимовича читаем: *І гукае: «Гэй, народ, у паход жывей на ўсход».* *И что с Парашей будет он дня на два, на три разлучен...* В переводе Я. Купалы читаем: *І што з Парашай будзе ён Разлучаны на пару дзён.*

Справедливости ради укажем, что иногда поэты-переводчики следуют за автором и оставляют предложенные им акцентологические варианты: *Мосты повисли над водами / Масты навіслі над вадамі*.

Завершая свои наблюдения, скажем, что перевод вообще, а тем более перевод поэтических произведений, дело чрезвычайно трудное. Наши наблюдения вовсе не претендуют на упреки или увещевания в некомпетентности. Мы призываем работать с гениальными пушкинскими строками осторожно и добросовестно. Намеренно не станем называть фамилий переводчиков, приведем лишь три примера явных неудач. Помните, *Три девицы под окном пряли поздно вечерком...* В переводе известного всем вступления находим: *Вось каб я была царыца, – / Кажса першая сястрыца, – / Дык адна на ўвесь бы свет / Я наладзіла банкет*. В этом же переводе в конце строфы читаем: *Нарадзіла б для цара / Я асілка-змагара*. В переводе другого общеизвестного стихотворения находим: *Я вас кахаў, каханне засталася ў душы маёй, загасла не зусім, але я не шукаю з вамі зносін*.

Подводя итоги, с уверенностью укажем, что белорусская пушкиниана будет развиваться, обогащаться и совершенствоваться. Эти возможности по умолчанию заложены в нее при возникновении. Белорусам очень повезло оттого, что у них, кроме своих классиков, есть еще и великий А. С. Пушкин.

### Библиографические ссылки

1. Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л. : Сов. писатель, 1986.
2. Пушкиниана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gramota.ru/meta/pushkiniana>. Дата доступа 15.08.2024.
3. Пушкин в переводах на иностранные языки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://natlibRARYgm.ru>. Дата доступа 15.08.2024.
4. А. С. Пушкін і Беларусь. Мінск : Беларуская навука, 1999.
5. Пушкинский юбилей 1937 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата доступа 15.08.2024.
6. Алесь Дудар. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia>. Дата доступа 09.05.2024.
7. Русско-белорусский словарь. В 2-х т. АН БССР / Ред. К. К. Атрахович. 2-е изд. Доп. и перераб. Минск, 1982.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1–4.
9. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М. : Азбуковник, 2000.